АНТИЧНАЯ И СРЕДНЕВЕКОВАЯ ФИЛОСОФИЯ

Посвящается памяти В.А. Смирнова

К АНАЛИЗУ КВАЛИТАТИВИСТСКОГО ТИПА РАЦИОНАЛЬНОСТИ: СЛУЧАЙ АРИСТОТЕЛЯ

В.П. Визгин

Стремясь выразить некоторые особенности науки античности и средних веков, исследователи используют такие однопорядковые, близкие к синонимичности, термины, как "качественная физика"[1], "квалитативизм"[2], "теория качества"[3], "качественная теория"[4]. Обычно эти характеристики раскрываются в негативных формулировках – "немеханические теории", "неколичественное природознание" и т.д. При анализе этих характеристик в соответствующем их значению контексте становится ясным, что все эти способы выражения обозначают построенное по определенным принципам качественное знание. Совокупность этих принципов образует соответствующий этому знанию тип рациональности. Качественное знание – это специфическая когнитивная система, базирующаяся на свойственном ему типе рациональности, возникающая и функционирующая в определенном историческом социокультурном контексте.

Из перечисленных выше определений качественного знания, на наш взгляд, наиболее общим и в тоже время точным является "квалитативизм" Его развернутую концепцию дал французский историк античной философии Леон Робэн, использовавший его для характеристики специфики аристотелевского мышления[5]. Поэтому, ставя своей задачей прояснение понятия "квалитативистский тип рациональности", мы не можем избежать анализа концепции квалитативизма Аристотеля, развитой французским исследователем. Несомненной заслугой Робэна является смелое в своей широте рассмотрение квалитативизма как универсальной характеристики мышления Стагирита. Прежде всего, квалитативизм, считает Робэн, связан с таким основным понятием его метафизического учения, как "субстанция" (οὐσια). У Аристотеля, как считает Робэн, каждое качество или совокупность качеств может быть представлено как субстанция[6], что служит первым признаком понятия "квалитативизм". Иными словами, качества, хотя в принципе они (в онтологии) зависят от субстанций и

определены как их атрибуты, выступают (например, в биологических трактатах Стагирита и, частично, в физических) субстанциально. Такой статус качества Робэн фиксирует понятием "квалитет-субстанции" Указанную особенность качественного знания мы можем обозначить как субстанциализацию качества, что близко к тому, что Эмиль Мейерсон при характеристике немеханических теорий называет гипостазированием качества. "Качественные теории, – говорит Мейерсон, – предполагают, что само качество предсуществует, что оно перемещается в более или менее гипостазированной форме"[7].

Вторая характеристика квалитативизма в его трактовке Робэном представляется нам более интересной уже потому, что упомянутая нами связь качества и субстанции отмечалась много раз и задолго до него. Эта характеристика касается квалитативистского характера логики мышления Аристотеля. Следуя традиционному истолкованию аристотелевских "Аналитик" как чисто логических трактатов, Робэн упускает немаловажное обстоятельство: во "Второй аналитике" излагается не столько логика научного знания, сколько эпистемология, т.е. его теория. Правда, говоря о логике Аристотеля в разбираемом нами контексте, Робэн имеет в виду прежде всего силлогистику. Однако немалый интерес в данном аспекте представляет собой анализ и других сочинений "Органона" и в особенности трактата "Об истолковании", где дается аристотелевская теория суждения. Что же такое, как говорит Робэн, "логика концептуального качества"[8], т.е. квалитативизм самого мышления безотносительно к его предмету? К сожалению, у Робэна преобладают негативные формулировки, согласно которым квалитативистская логика есть "чистая" логика, чисто логическое (главным образом, силлогистическое) связывание иерархизированных сущностей, каковыми являются сами понятия качества и субстанции. Что такое "логика концептуального качества" мы узнаем из контрастного противопоставления Робэном аристотелевскому силлогистическому мышлению, оперирующему квалитет-субстанциями, платоновского мышления с геометрическим, механо-структурным опосредованием качеств. Значит, "чисто логические" связи, конституирующие, по Робэну, понятие "аристотелевский квалитативизм" означают, мягко говоря (а Робэн говорит гораздо жестче), *недостаток* опосредования качеств в механо-структурных понятиях.

Однако сравнение Аристотеля с Платоном проведено Робэном не вполне корректно. Поэтому искомого прояснения понятия "логика концептуального качества" не получилось. И не потому, что негативной формулировке самой по себе недостает определенности, хотя это, несомненно, и так. Контрастное сопоставление Платона и Аристотеля Робэн проводит на примере объяснения ими смерти человека или смерти живого организма вообще. Однако, если в случае Платона он рассматривает механо-структурную физическую теорию смерти, изложенную в "Тимее" (89c), то в случае Аристотеля он берет сомнительный (в качестве аристотелевского) классический перипатетический силлогизм с терминами "Сократ" – "человек" – "быть

смертным" Действительно, этот перипатетический силлогизм, как показал Лукасевич, "не обязательно аристотелевский"[9]. Такой силлогизм в форме вывода встречается впервые у Секста Эмпирика. Для разбираемой проблемы этим историческим уточнением можно и пренебречь, хотя оно немаловажно в других отношениях. Но, допустим, что у Аристотеля был такой силлогизм: дело здесь, однако, не в данном силлогизме, а в силлогизме вообще, который подобным сравнением возводится в ранг предметного теоретического знания. Правда, то, что подлинный аристотелевский силлогизм не был выводом, существенно и для нашей проблемы, но в первом приближении от этого можно отвлечься.

Однако независимо от этого обстоятельства оригинальная мысль о логических корнях квалитативизма была высказана. Правильное сопоставление мы бы получили в том случае, если бы указанную теорию Платона сравнили с действительно изоморфной ей, т.е. с аналогичной физической же теорией смерти организма у Аристотеля. Такое сравнительное исследование, предпринятое нами, позволяет уточнить различие в логике мышления, с одной стороны, Аристотеля и Платона, с другой стороны, тем самым, способствуя уяснению понятия квалитативизма[10].

Аристотелевская теория смертности организмов восходит к досократической традиции, к Эмпедоклу. Кстати, именно у Эмпедокла мы находим формулировку основной идеи аристотелевской физической теории смертности организмов. Аэтий говорит: "По мнению Эмпедокла живые существа питаются тем, что им сродно, возрастают благодаря присутствию тепла, а вырождаются и гибнут вследствие недостатка того и другого" (DK A77)[11]. Однако в отличие от Эмпедокла у Аристотеля эта идея уточнена и развита (см. в его "Parva naturalia", трактат "О юности и старости, о жизни и смерти" гл. IV, §4, 5 и гл. V и в особенности его трактат "О дыхании" гл. XVII, §2, а также гл. IV, №4–6, где дается критика демокритовской теории смерти[12]).

В аристотелевском квалитативизме как в гетерогенном, структурно оформленном образовании мы выделяем три его типа: метафизико-эйдетический, или метафизический, физико-эйдетический, или физический, и физико-динамический, или динамический[13]. В своей физиологической теории смерти Аристотель отклоняется от вербально-логического или, точнее, метафизико-эйдетического квалитативизма. Платон же, напротив, в своей теории бессмертия души приближается к нему. Это означает, что основной контрастирующей оппозицией к аристотелевскому квалитативизму в целом, выступает скорее не Платон, а атомизм.

Робэн подчеркнул связь силлогистики с квалитативизмом Аристотеля. По Робэну, квалитативистское мышление вполне эффективно в онтологии, но мало пригодно в физике. В контексте его концепции это объясняется тем, что онтология не требует никакого иного способа развертывания своего предмета, кроме логической дискурсии в силлогизмах, в то время как физика немыслима без "сверхлогических", т.е.

не чисто логически-вербальных опосредований связи экспланса и экспланандума (числом, мерой, фигурой). Несомненно, открывающиеся на этом пути аналогии представляют интерес. Дело в том, что само субъект-предикатное построение силлогистической процедуры коррелирует с основной схемой квалитативизма: "загрузка" субстанций как своего рода субстратов (носителей) качеств различными качествами в ходе их трансляции от субстанции к субстанции. Поэтому квалитативистскую модель рациональности мы можем представить в первом приближении как силлогистически правильное, логически нормированное "обговаривание" подлежащих в сказуемых, субъектов в предикатах, субстанций в атрибутах и акциденциях или вещей и явлений в качествах вообще. Основная характеристика такого мышления – это отказ от опосредования связи сущности вещи с ее явлением с помощью механо-структурных определений. Незначительность (если не полное отсутствие) подобного опосредования приводит к тому, что одни исследователи (например, В.П. Зубов[14]), говоря об Аристотеле, считают, что квалитативизм был у него не объяснением, а лишь описанием, что типично квалитативистские рассуждения Аристотеля сводились к феноменологическим констатациям. Другие же исследователи (Мейерсон, Робэн) признают объяснительную функцию квалитативистского мышления и именно с ней имеют дело. Не произнося окончательных суждений по этому вопросу, мы бы хотели подчеркнуть, что у Аристотеля, на наш взгляд, имеют место обе указанные функции качественного типа знания. У Робэна (как, впрочем, и у Мейерсона) квалитативизм рассматривается как концепция причинного объяснения. Связь же объяснения и описания, согласно его концепции квалитативизма, состоит в том, что описательный метод вводится там, где квалитативистский тип рациональности испытывает затруднения. А такие затруднения он испытывает там, где познание имеет дело с первичным рационализированием эмпирии, например, в области истории, как натуральной, так и социальной. Однако ограничение сферы действия квалитативизма (он хорош, говорит Робэн, по-существу только в онтологии) плохо согласуется с им же выдвинутым принципом его универсальности. Действительно, в соответствии с этим принципом Робэн не устает находить квалитативистские мотивы везде: в теоретической физике, в этике, в риторике и эстетике.

Трудности интерпретации квалитативистского мышления вообще и аристотелевского, в частности, противоречия в высказываниях о нем разных исследователей в значительной степени преодолеваются, если мы вместо недифференцированного и аморфно-унитарного представления о квалитативизме введем его четко определенную типологию или структуру. Это позволяет ясно установить в каждом конкретном случае, какой же именно тип квалитативизма имеется в виду[15].

Что касается Робэна, то у него аристотелевский квалитативизм отождествлен с его метафизико-эйдетическим типом[16]. Основная антиномия качественного теоретизирования кроется в фундаментальном для него понятии переноса, трансляции или перемещения качества от

одной (квази)субстанции к другой, в которой наблюдается определенное "качественное изменение", подлежащее объяснению. Этот момент перемещения качества отмечают в квалитативизме многие исследователи, но он остался, насколько нам известно, не проанализированным. А именно в этом пункте сосредоточена принципиальная антиномия качественного теоретизирования, квалитативистской рациональности вообще.

Раскроем эту антиномию в ее основных чертах. Начнем с того, что квалитативизм обычно понимается как альтернатива механическому подходу, причем оба подхода удовлетворяют принципу причинности, но разным образом: механицизм за изменением (качеств) видит изменение структуры и движения частиц ("атомов"), а квалитативизм это же самое изменение объясняет простым переносом качества, возникновение которого наблюдается. Пример: нагревание тела. Механицизм объясняет его увеличением скорости механического движения частиц тела, а квалитативизм – контактом с незримой квалитет-субстанцией тепла, "переместившейся" в данное место. Механическое перемещение нам представляется самым понятным, самым рационально "прозрачным" из всех изменений потому, что в нем всегда – и очевидным образом – положено тождество предмета движения с собой, т.е. реализован в своей простоте и чистоте принцип причинности, положено "тождество тождества и нетождества", говоря гегелевским языком. Изменение ("нетождество") прозрачным образом сведено здесь к тождеству: причина равна (тождественна) действию, но в то же время это тождество сопровождается изменением, которое тем самым "понято" Таким образом, именно механическое перемещение есть своего рода каноническое воплощение причинности как "тождества во времени" (Мейерсон). Но как тогда можно мыслить паритетность и автономию квалитативизма по отношению к механическому подходу, если в фундаменте его объяснительной фигуры лежит механическое перемещение квалитет-субстанции ("флюида" физиков, или "элементарного качества" химиков)? Что такое вообще перемещение квалитет-субстанции?

Даже при ближайшем рассмотрении мы натыкаемся здесь на "клубок противоречий". Если субстанциализированное качество перемещается в пространстве, то как это может быть согласовано с таким существенным определением квалитет-субстанции, как непрерывность? При более пристальном рассмотрении обнаруживается, что трудно согласовать пространственные характеристики вообще с квалитет-субстанцией, в которой обобщено как раз не пространство, а наполненное интенсивностью чувственно-воспринимаемого качества время ("ощущение"). Но если качества суть интенсивность, то перемещаться они могут лишь условно и в условном пространстве, но не в том, где перемещаются "атомы". Этот беглый анализ позволяет нам найти более глубокие спецификации квалитативизма как типа рациональности. В механическом теоретизировании (в пределе, в потенции) дифференцирующий, т.е. определяющий разнообразие и

изменение на уровне явлений, фактор выступает исключительно как геометрический, пространственно-подобный (эту чистоту механического подхода в истории мы находим, пожалуй, только у Декарта). Скорости, частоты соударений и другие характеристики перемещения заполняют поле оператора объяснения (экспланса) в механическом подходе. В качественном же знании дифференцирующим, а значит и объяснительным фактором по отношению к становлению выступает "верхний слой" объяснительной схемы, т.е. сами качества или, в конце концов, время. Иначе говоря, качественное теоретизирование максимально (и, в конце концов, чрезмерно) использует экспликативные возможности самого объясняемого явления, мимо чего проходит механицизм.

Горячее нагревает, говорим мы. Здесь качественный феномен (нагревание) мыслится не как голый результат чего-то иного по отношению к нему, как его чистое "вне-себя-бытие", простая неподвижность положенности пространственных характеристик, а как в себе самом активное, самодействующее начало, как нелинейный самодлящийся процесс. Переходы элементарных качеств как процессы, непосредственно данные в актуальном ощущении, не требуют никакого опосредования пространством, его развертки: они представляют собой просто смены интенсивностей (холодное нагревается, влажное сохнет и т.п.). В качественном изменении пространство "снято", для фиксации качественного изменения достаточно нуля пространства – точки, так как вся его эволюция разыгрывается во времени. Как же в этом случае понимать "пространственное перемещение" качества, его трансляцию? Нет ли в таком типичном и общепринятом истолковании квалитативизма его "прочтения" механицистскими глазами?

Очевидно, что, только вводя каким-то образом прерывность и переходя тем самым к механизации квалитативистской модели, можно сохранить характеристику перемещения. Но тогда она не будет характеристикой подлинного, не вырожденного и не смешанного с механицизмом квалитативизма.

Мейерсон не замечает, что, определяя квалитативизм через перемещение и присоединение качественной субстанции к данному телу[17], он противоречит своему же собственному утверждению о том, что "гипостазированные качества" по существу своему непространственны и не могут быть таковыми[18]. Поэтому нам представляется, что одна из основных характеристик качественного знания раскрывается в том обстоятельстве, что качество мыслится как феномен: "Не только каждое качество, как сказал Юм, но каждый оттенок качества или, вернее, ощущения... есть нечто законченное и довлеющее себе"[19]. Однако понятие феномена, видимо, также плохо согласуется с непрерывностью квалитет-субстанции. Непрерывность же – и здесь мы можем согласиться с Мейерсоном – представляет собой отличительную черту качественных теорий.

Ряд исследователей (Таннери, Бурже) склонны рассматривать в качестве ведущей характеристики квалитативизма сенсуалистические

позиции в гносеологии, сенсуализм вообще как познавательную ориентацию в широком смысле слова. Эта ориентация очевидным образом связывается с доверием к представлениям здравого смысла и в этом видят основную причину "пороков" квалитативизма. В качестве модели квалитативизма берется опять-таки аристотелевская наука. У Таннери квалитативизм выступает как сенсуалистически-эмпирическая тенденция, противоположная рационализму.

Таннери говорит, что, с одной стороны, имеется "тенденция примкнуть к явлениям, поскольку они открываются нам нашими чувствами при помощи поверхностного и грубого наблюдения, можно даже сказать, ясно выраженное признание популярных воззрений, поскольку они явно ошибочны, с другой стороны, тенденция возможно выше и скорее подняться в ряду причин, но посредством лишь простого анализа понятия, не обращаясь снова к опыту[20].

Аристотель сам ясно осознавал связь своего квалитативизма с эмпиризмом. В первой книге "О возникновении и уничтожении", критикуя атомистов и Платона, он говорит: "Те же, кто доводят деление до плоскостей, делают [всякое объяснение] невозможным... Причина того, что они в меньшей степени способны обозреть общепризнанные [факты], заключается в недостатке опыта. Поэтому те, кто лучше знает природные [явления], скорее могут делать предположения о первоначалах, позволяющих связать вместе многое. Напротив, те, кто [чрезмерно] предаются пространственным рассуждениям и не наблюдают за тем, что присуще [вещам], легко обнаруживают узость своих взглядов" (de gen. et corr. 316a 2–10)[21]. Аристотель противопоставляет *логическое* рассуждение, опирающееся на диалектику и абстракцию, *физическому*, стремящемуся сохранить специфические особенности вещей, их чувственно воспринимаемые качества. Однако, хотя корреляция между сенсуализмом в гносеологии и эмпиризмом в практике науки с квалитативистским типом рациональности несомненна, тем не менее нельзя отождествлять квалитативизм с сенсуализмом. Действительно, в платоновском рационализме в целом и в теории идей, в частности, мы находим типичные черты "логики концептуального качества", логики квалитативистского мышления. С другой стороны, у Аристотеля мы обнаруживаем критическое отношение к непосредственному чувственному опыту и здравому смыслу. Интересно, что сам Бурже, считающий источником аристотелевского квалитативизма сенсуалистическую установку, приводит множество примеров, показывающих рационалистический критицизм Аристотеля.

Ощущение прежде всего принадлежит к сфере качества, а в рамках обыденного опыта оно не дает точных процедур, но дает впечатления, обнаруживает способы бытия. И в том, говорит Бурже, источник квалитативизма аристотелевской науки[22]. Ряд "смешных" (с точки зрения современного студента) ошибок Аристотеля, в особенности в его биологических сочинениях, можно объяснить как раз доверием к обыденному опыту, отсутствием разработанных приемов на-

учного наблюдения. Правда, такое "объяснение" само еще надо объяснять: отсутствие строго научного в нововременном смысле наблюдения не может быть причиной, будучи именно отсутствием, а не позитивным бытийным определением аристотелевской "эпистемы" или ее культурного контекста. Более содержательную характеристику мы обнаруживаем, замечая сходство античного, аристотелевского в частности, любопытства (интерес к экзотике, к деталям, к пикантным подробностям) и возрожденческой "неразборчивости" в натуральной истории (например, у Альдрованди). Как подчеркивает Бурже, любовь к курьезам приводит Аристотеля – иногда – "даже к разрушению требований его системы". Но этот дух ничем не сдерживаемого любопытства вовсе не угашает рационалистического подхода, формулирующего те условия, при которых ощущение может быть достоверным. Так, например, Аристотель различает восприятие как достоверное ощущение от иллюзорной кажимости представления (Met. IV, 5, 1010b 2–4)[23].

Мы не можем согласиться с Бурже потому, что элементы физического и динамического квалитативизма Аристотеля, такие, например, как число и характер первичных качеств и элементов, существование естественных мест для элементов, не основаны исключительно на обыденном опыте. Они дедуцируются Аристотелем, опосредуются логическими связями, извлекаются не столько из непосредственного опыта, сколько из определенной научной традиции, выбор которой вполне рационально обоснован в рамках его системы в целом. Этой, в определенном смысле слова, рационалистической струи Бурже не замечает[24]. По-видимому, Аристотель в разработке своего подхода и своей системы в целом шел одновременно в двух направлениях, стремясь найти максимально гибкую эпистемологическую форму, могущую свободно совмещать опыт в его непосредственности, с одной стороны, и разум с его универсальным опосредованием – с другой.

У Аристотеля мир качеств, многообразие качественно оформленных субстанций, упорядочен в строгую иерархическую систему. Прежде всего качества проходят проверку на фундаментальность (элементарность). Критически-рациональное начало смешивается здесь с наивно-сенсуалистическим подходом, что, впрочем, и характеризует Аристотеля как "реалиста" Это обычная, можно сказать, общепринятая среди исследователей характеристика Аристотеля[25], гомологичная его характеристике, данной Расселом ("разбавленный здравым смыслом платонизм"[26]), и Гомперцом ("смесь платоника и асклепиада"[27]).

Нужно заметить, что сама дедукция элементов и последующих ступеней восхождения подлунного бытия обусловлена биоцентристской установкой Аристотеля (точно так же, как платоновская космология обусловлена нуждой в человеке как носителе государственности). Таким образом, мы должны констатировать (совершенно оставшуюся в тени у Мейерсона, Робэна, Бурже) связь квалитативизма с биологизмом или, лучше сказать, телеологизмом Аристотеля. Действительно, существенное определение предмета, по Аристотелю, – это

его функциональное, *целевое* определение. За недостаток такого определения природы Аристотель критикует даже Платона, у которого он сам научился этому подходу. Проиллюстрируем это примером. В трактате "О дыхании" Аристотель упрекает Платона в том, что он не указывает цели дыхательных функций. Аналогичный упрек он делает и в адрес демократовской теории[28]. Но функция предмета и его качество – одно и то же по Аристотелю. Обыденный язык ясно фиксирует это тождество качества и функции. Действительно, мы говорим, что *X* приехал в столицу государства *Z* в качестве посла государства *Y*. "В качестве посла" равносильно "в функции посла": быть послом – это качество человека, его функция в некоторой системе (государства *Y*).

Требование функционального определения предмета Аристотель выражает как в "Метафизике", так и в последнем параграфе IV книги "Метеорологики", этого самого квалитативистского (в смысле физико-динамического квалитативизма), хотя и со значительными механицистскими вкраплениями, сочинения Аристотеля. Однако это только одна сторона дела. Другая же сторона, напротив, состоит в ограничении, и даже в отбрасывании динамического квалитативизма стихий (δυνάμεις) телеологическим принципом, в частности, функционализмом биологических организмов и более высокоорганизованных (разумных) целостностей. Дело в том, что элементарные стихии-качества не дорастают до целевого отношения, оно в них еще только пробивается. Напротив, организмы содержат это отношение как определяющее их бытие. Поэтому в функциональном подходе, когда он применяется к неорганическому миру, содержится как бы некий "аванс", который надо еще суметь реализовать.

В своем квалитативизме Аристотель присоединяется к ионийской традиции в греческой философии для которой характерен динамический и синкретический взгляд на мир, сближающий понятие силы как источника движения, понятие свойства (и качества) и понятие первовещества как их субстрата в одно нерасчлененное целое. В русле этой традиции, корни которой уходят в дофилософское и донаучное мифологическое мышление, качества связывались с определенными телами и элементами (например, солнце – светлое и горячее, дождь – темный и холодный), рассматриваясь при этом как нечто самостоятельно сущее, как субстанция, а не как простые свойства этих тел и элементов. Такая субстанциализация и динамизация качеств (что и составляет, грубо говоря, остов упомянутого выше физико-динамического квалитативизма) в течение длительного времени развивались внутри медико-биологического знания[29]. Так что в историческом плане связь биологизма с квалитативизмом несомненна. Определенная связь этих понятий в логическом плане нами уже была отмечена. Добавим, что между элементарно-качественной схемой трансформаций элементов в физике и биологическим метаболизмом также есть известная взаимосвязь. Виталистическое или, точнее, биоморфное мышление типично для космологии греков вообще, для Платона и для Аристотеля, в

частности, хотя, конечно, наряду с этим подходом, мы находим развивающийся структурно-механический подход, зарождающийся в той же Ионии и достигающий своей возможной для античности зрелости в атомизме.

Идея иерархической системы качеств интересна тем, что в ней можно, не прибегая к "некачественным" объектам, конструировать такие типично научные процедуры, как описание и объяснение. По существу здесь мы имеем дело с моделированием исключительно на языке качеств основных познавательных и эпистемологических форм. Например, здесь существует даже своего рода редукция – вторичных качеств к первичным. Конечно, здесь есть свои принципиальные ограничения, определяющие пределы качественного знания вообще. Видимо, одним из таких "лимитирующих" моментов является то, что идея инварианта требует "сверхкачественных" отношений: измерения (метризм) и геометрии (графизм). Сохранение элементарного качества – умозрительный постулат квалитативистской физики (впрочем, имеющий свои "рациональные зерна"), а не верифицируемое в числе и образе утверждение. Очевидно, что квалитативизм воздвиг немалые барьеры на пути рационального установления инвариантных определений. В частности, одним из таких барьеров в теории элементов служит путаница, вызванная расхождением между "принципиальным" качеством и "непринципиальным" качеством, носящим то же самое название в обыденном языке. Такое запутывание научного языка, обусловленное и слишком теснными связями и прямыми заимствованиями из языка обыденного, имелось и у Аристотеля. В частности, идеальный элемент, например, вода как суперпозиция элементарных качеств холодного и влажного и реальная вода в море были разными вещами, хотя они и могли легко замещать друг друга (что и происходило на практике) уже вследствие одного только тождества имени.

"Идеальный" состав стихий мог игнорироваться Аристотелем, когда речь шла о каком-либо реальном конкретном явлении, например, физиологическом процессе дыхания. Так он говорит, что животные могут охлаждаться, извлекая холод из воздуха (см. об этом в сочинении "О юности и старости, о жизни и смерти", гл. VI, §3[30]). Но, строго говоря, холод как элементарное качество не входит в "состав" "идеального" воздуха. Логика Аристотеля мало похожа на нашу логику, которая обязывает считаться с элементарным составом тел и в рамках которой немыслимо извлекать из тела тот элемент, который в нем не содержится.

Однако большой и интересный вопрос о границах и функциях качественного знания выходит за рамки настоящей статьи. Отметим только, что не только измерение, требующее введения понятия величины, не только связанное с этим геометрическое представление предмета, но также и то, что можно назвать "научным наблюдением" и "научным описанием", например, в анатомии является реальным ограничением, полагающим предел квалитативистскому типу рациональности. Добавим, что и этот последний, уже неквалитативистский

способ построения знания был знаком Аристотелю, мэтру квалитативизма. Речь идет прежде всего о недошедших до нас сочинениях Аристотеля по анатомии, упоминаемых в списках его трудов. Бурже переводит название этих сочинений как "Анатомические рисунки" и пишет, что «интерес "Анатомических рисунков" состоял в замещении объяснения, даваемого в рассказе или рассуждении, являющихся собственным предметом "Истории животных", знанием, непосредственно основанном на зрении, требующем, по крайней мере, у того, кто его устанавливает, гораздо более значительного стремления к точности»[31].

[1] См.: *Зубов В.П.* Аристотель. М., 1963, с. 129.
[2] См.: *Robin L.* Aristote. P., 1944, p. 63.
[3] См.: *Мейерсон Э.* Тождественность и действительность. СПб., 1912, с. 344.
[4] См.: *Sambursky S.* The physical world of the late antiquity. L., 1962, p. 34.
[5] См.: *Robin L.* Op. cit.
[6] См.: Ibid., p. 64.
[7] *Мейерсон Э.* Указ. соч., p. 366.
[8] См.: *Robin L.* Op. cit., p. 65.
[9] См.: *Лукасевич Я.* Аристотелевская силлогистика с точки зрения современной формальной логики. М., 1959, с. 33.
[10] См.: *Визгин В.П.* Генезис и структура квалитативизма Аристотеля. М., 1982, с. 396–399. Далее: Генезис и структура...
[11] *Маковельский А.О.* Досократики: Первые греческие мыслители в их творениях, в свидетельствах древности и в свете новейших исследований. Казань, 1915, ч. II, с. 161.
[12] См.: *Aristote.* Parva naturalia. Petits traités d'historie naturelle / Texte établi et trad. par R. Mugnier. P., 1953. Далее: Parva naturalia.
[13] См.: *Визгин В.П.* Генезис и структура... с. 406–414; *Vizguine V.P.* La structure du qualitativisme aristotélicien // Les Etudes philosophiques. 1991, N 3, p. 364–367.
[14] См.: *Зубов В.П.* Указ. соч., с. 130.
[15] См.: *Визгин В.П.* Генезис и структура... с. 406–414; *Vizguin V.P.* La structure du qualitativisme aristotélicien.
[16] См.: *Визгин В.П.* Генезис и структура... с. 391–392.
[17] См.: *Мейерсон Э.* Указ. соч., с. 343.
[18] Там же, с. 372.
[19] См.: Там же, с. 368.
[20] *Tennery P.* Les principles de la schience de la nature chez Aristote / Mémoires scientifiques publiées par J.-L. Heiberg. Toulouse; P., 1925, t. VII, p. 214.
[21] *Аристотель.* Сочинения: В 4 т. М., 1981, т. 3, с. 385.
[22] См.: *Bourgey L.* Observation et l´expérience chez Aristote. P., 1955, p. 80.
[23] См.: *Аристотель.* Сочинения. М., 1975, т. 1, с. 137–138.
[24] См.: *Bourgey L.* Op. cit., p. 44.
[25] См., например: *Mansion S.* Jugement de l´existence chez Aristote. Louvain, 1946.
[26] *Рассел Б.* История западной философии. М., 1959, с. 182.
[27] *Compertz Th.* Griechische Denker. Leipzig, 1909, Bd. 3.
[28] См.: *Aristote.* Parva naturalia.
[29] См.: *Vizgin V.P.* Hippocratic Medicine as a Histocal Source for Aristotle's Theory of the δυνάμεις // Stud. Hist. Med. 1980, mars, vol. IV, p. 1–12.
[30] См.: *Aristote.* Parva naturalia.
[31] *Buurgey L.* Op. cit., p. 91.